

глубину истолкованию текста. Такую трудную задачу фольклористы редко ставят перед собой. Тем более уместно вспомнить «У истоков лирической песни» П. А. Вульфуса [2; 3] — в объеме статьи, на малом объеме материала он разворачивает проблематику формообразования, исторического стиля, становления лирики как вида.

«Внешняя» история, соотношение с вехами политических событий, свидетельствами археологии и литературы, изучение этнографической реальности — необходимые сотрудники музыкальной фольклористики (каким бы именем мы не называли эту науку). Но

собственная ее задача, не доступная этнографам, филологам, не решаемая только описанием обрядовых практик и их кодов, умножением числа сходных и родственных текстов — это жизнь языка. То есть внутренняя, собственная история фольклора. «Историческая морфология», «историческая поэтика»⁵ — эти классические названия, по-видимому, войдут в область науки, предмет которой столь тщательно и любовно определяется в масштабах архивов, продолжает свое бытие в иных формах музицирования и, надо надеяться, прочно ляжет в основание национальной педагогики.

⁵ Почтенное наследие филологии, в музыкальной фольклористике они появляются почти как метафоры. Таков подзаголовок сборника статей в честь 60-летия И. И. Земцовского [4] и название статьи [1].

Список литературы

1. **Васильева Е. Е., Лапин В. А.** Историческая поэтика: музыкальный язык фольклора как процесс // Морфология праздника. — СПб: Пропповский центр, 2002. — С. 34–50.

2. **Вульфус П. А.** У истоков лирической народной песни // **Вульфус П. А.** Статьи. Воспоминания. Публицистика. — Л.: Музыка, 1980. — С. 101–124.

3. *То же* (первая публикация с сокращениями) // Вопросы теории и эстетики музыки. Вып. 1. — Л., 1962. — С. 148–168.

4. Искусство устной традиции. Историческая морфология: Сб. ст., посвящ. 60-летию И. И. Земцовского / М-во культуры РФ; РАН, Рос. ин-т истории искусств; отв. ред. и сост. Н. Ю. Альмеева. — СПб: РИИИ, 2002.

5. **Львов Н. А.** О русском народном пении. [Предисловие к изданию 1790 года] // Собрание русских народных песен с их голосами на музыку положил Иван Прач / Под ред. и со вступ. ст. В. М. Беляева. — М.: Музгиз, 1955. — С. 38–43.

6. **Одоевский В. Ф.** Речь на открытии Московской консерватории // Современная летопись (Воскресные прибавления к «Московским ведомостям»), 1866, 4 сентября.

7. **Рубцов Ф. А.** Русские народные песни Смоленской области в записях 1930–1940-х годов / Сост., расшифровка, комм. Ф. А. Рубцова. — Л.: Советский композитор, 1991.

8. Русская мысль о музыкальном фольклоре: Материалы и документы / Вступ. статья, сост., коммент. П. А. Вульфуса; предисл. Е. М. Орловой; общ. ред. О. И. Соколовой. — М., 1979.

9. **Серов А. Н.** Музыка, музыкальная наука, музыкальная педагогика // **Серов А. Н.** Статьи о музыке / Сост. и ред. В. Н. Протопопова. В 7 выпусках. Вып. 6. — М., 1990. — С. 176–211.

10. **Серов А. Н.** Программа общедоступных лекций о всех главнейших предметах знания музыкального // **Серов А. Н.** Статьи о музыке / Сост. и ред. В. Н. Протопопова. В 7 выпусках. Вып. 6. — М., 1990. — С. 228–229.

11. **Серов А. Н.** Русская народная песня как предмет науки // Музыкальный сезон, 1870/1871. — № 6, № 13.

12. **Сокальский П. П.** Русская народная музыка, великорусская и малорусская, в ее строении мелодическом и ритмическом и отличия ее от основ современной гармонии. — Харьков, 1888.

Ирина ТЕПЛОВА

Сборники обработок народных песен: аспекты музыковедения и этномузыкологии*

Творческий путь каждого из плеяды больших ученых, ярких педагогов, памяти которых посвящена конференция, — это урок включенности и погружения в очень широкий круг проблем музыковедения¹. Символична инициатива П. А. Вульфуса, поддержанная в конце 1960-х годов кафедрой истории музыки, о создании сборника документов, свидетельствующих об этапах становления научной мысли о фольклоре. Вышедшая уже спустя два года после кончины Павла Александровича «Русская мысль о музыкальном фольклоре: материалы и документы» [11] вобрала в себя редкие, малодоступные, вместе с тем, ключевые материалы о народной музыкальной культуре.

Обращение Павла Александровича к фольклору — это не только дань жизненным обстоятельствам. За этим стоит потребность и способность к системному, историческому видению явлений музыкальной культуры, которая особенно отличала это поколение. Предисловие к сборнику материалов и документов принадлежит Е. М. Орловой. Открывают книгу слова, не утрачившие и поныне своей актуальности: «Нет такой области в музыковедении, которая в той или иной степени не была бы связана с изучением народного творчества. Без обращения к проблемам фольклора музыковед не может полноценно осветить исторический путь развития профессиональной музыкальной культуры.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта создания информационных систем «Музыкальная фольклористика в Санкт-Петербургской консерватории: 1862–1925 годы (мультимедиа-справочник)», проект № 08-04-12151в.

¹ Мне посчастливилось слушать лекции П. А. Вульфуса по зарубежной музыке (1976–1977 годы).

Все теоретические вопросы музыкального языка, будь то вопросы лада, мелодики, гармонии или ритма, рассматриваемые в их национальной специфике, неизбежно требуют обращения к достижениям музыкальной фольклористики» [11, 3].

Среди актуальных вопросов музыкальной фольклористики — и современные полевые исследования, и систематизация архивных материалов, и, наряду с этим, изучение наследия русской музыкальной классики. Особый интерес представляют материалы сборников обработок народных песен. Эволюция, которую претерпел жанр обработки народной песни, отражает путь становления, развития науки о народной музыке, и одновременно — эволюцию стиля русской композиторской школы. На пересечении музыковедения и этномузыкологии находится круг взаимосвязанных проблем, которые можно сформулировать как: 1) выявление динамики функционирования народной песни в культурной традиции; 2) осмысление методов обработок народных песен в сборниках XVIII — начала XX веков; 3) изучение процессов, послуживших основой для формирования стиля русской композиторской школы.

От сборников обработок рубежа XVIII–XIX веков до работ в этом жанре последней трети XIX — начала XX века — огромная дистанция. Этот исторический путь простирается от обработок, которые были вызваны потребностью приблизить народную песню к музыкальным традициям города, сделать ее достоянием любительского музицирования (собрания песен В. Ф. Трутовского [18], Н. А. Львова и И. Г. Прача [6], Д. Н. Кашина [13], И. А. Рупина [7] и других), до формирования научных подходов к собиранию, публикации народных песен в последней трети XIX века ([14; 4; 8] и другие). П. А. Вульфийус отмечал, что обработки меняли исконный облик песни, но зато «доносили ее до сердца слушателей» и открывали путь для создания песен в народном стиле композиторами (А. Е. Варламов, А. Л. Гурилев) [11, 18].

Обычно сборники обработок рассматриваются как свидетельства интереса композитора к народной музыке, но гораздо реже они анализируются с позиций взаимоотношения письменной и устной традиции (профессиональной и народной культуры), с позиций формирования научного знания о музыкальном фольклоре.

Основная часть современной источниковой базы фольклора включает в себя материалы, зафиксированные с применением различных звукозаписывающих устройств. Таким образом осуществлялись записи вплоть до середины 90-х годов XIX века. Известно, что в тот же период фиксировались напевы и тексты, которые не предполагали в дальнейшем какого-либо переложения. Авторы этих записей, по всей видимости, вполне отдавали себе отчет в самостоятельной выразительности и исчерпывающей значимости записываемых ими напевов. Среди них записи Н. Е. Вариводы (Тамбовская губерния) [12, 7–25], Г. Лучникова (Пермская губерния) [12, 87–149], А. Н. Серова («Записные книжки»), В. Ф. Одоевского (записи от И. Молчанова, И. Фомина) [12, 35–86], А. Жаравова (Архангельская губерния) [9], Н. Д. Бера (Смоленская губерния) [3], В. Н. Серебренникова (Прикамье) [15] и другие. Обширную группу напевов, представляющих различные жанры и региональные стили, до сих пор не вошедших ни в художественную практику, ни в научный оборот, составляют архивные материалы, хранящиеся в фондах Отдела рукописей Российской национальной библиотеки.

Многообразие и научная ценность напевов, записанных без применения звукозаписывающей техники, дает основание включать их в орбиту внимания в процессе исследований фольклора. Но при этом значительная часть напевов нуждается в текстологическом анализе, научной атрибуции. Современные знания о языке народной песни, ее жанровом и региональном разнообразии позволяют выявить целый ряд проблем, возникающих при изучении музыкально-поэтических текстов слуховых записей: 1) установление степени адекватности таких записей их фольклорным «прообразам»; 2) жанровая и регионально-стилевая идентификация текстов и напевов; 3) реконструкция культурного, обрядового контекста бытования; 4) проблема переиздания сборников обработок народных песен (репринтное воспроизведение оригинального издания, его текстологическое исследование, реконструкция).

Обращение в процессе текстологического исследования слуховых записей к методам типологического изучения фольклора позволяет более точно атрибутировать эти фольклорные тексты. Ведущим принципом в процессе изучения становится сравнительно-историческое сопоставление текстов.

Текстологическое изучение слуховых записей приводит к осознанию необходимости переиздания сборников, давно ставших классическими. Одна из причин — актуальность задачи жанровой, стилиевой идентификации текстов и напевов, а также — восстановление первоначального замысла композитора, который в ряде изданий советского времени оказался искажен. Так, в переизданиях сборника Н. А. Римского-Корсакова «Сто русских народных песен», осуществленных в XX веке (в 1928, 1945, 1951, 1985 годах), напев «Славы» утратил свою оригинальную подтекстовку, заимствованную композитором из собрания поэтических текстов И. Сахарова. Текст, посвященный славле-нию Государя и царской семьи:

«Слава Богу на небе, Слава!

Государю нашему на сей земле, Слава! ...»

был заменен текстом подблюдной песни:

«Катилось зерно по бархату. Слава!

Прикатилось зерно ко яхонту. Слава!...».

Редактор-составитель «Сборников русских народных песен» Н. А. Римского-Корсакова [10] аргументирует несоответствие поэтического текста «Славы» первоначальному авторскому тексту следующим образом: «Напев данной песни имеет большое число разнообразных вариантов текста. Один из них и приведен в настоящем издании взамен совершенно устаревшего текста (! — И. Т.), перенесенного Римским-Корсаковым, совместно с мелодией, из сборника Прача» [10, 284].

Напев «Слава Богу на небе, Слава!» относится к числу образцов фольклора, имеющих в русской музыкальной культуре знаковый характер. В сочинениях композиторов-классиков, по-своему преломляющих гимнический характер напева и поэтический текст славления, неизменно сохраняется глубокая символичность художественного образа «Славы», чрезвычайно значимого для русской культуры (см.: [16; 17]). Замена первоначального текста смещает смысловые акценты, искажает авторский замысел, оставляет в неведении поколения музыкантов, ныне не имеющих доступа ко многим прижизненным, оригинальным изданиям.

Целый ряд проблем взаимодействия музыки устной и письменной традиции значим не только для отечественного музыковедения. Об этом свидетельствуют, например, обстоятельства создания Э. Григом «Норвежских крестьянских танцев» ор. 72. Обработки 17 норвежских «слотов» для фортепиано были выполнены благодаря невольной «инициативе» народного скрипача Кнута Дале, прославленного спелемана, ученика Мёлларгутена, легендарного исполнителя на хардингфеле. По просьбе Грига Хальворсеном были выполнены нотации скрипичных наигрышей в исполнении Кнута Дале. Впервые в истории норвежской фольклористики нотации народных наигрышей были значительно приближены к их реальному своеобразному звучанию. Композитор настоял на одновременном издании своего цикла слотов, в котором главной задачей считал сохранить особенности народного инструментального стиля и подлинных записей Хальворсена [5, 543–544]. Это событие, имеющее как художественное, так и научное значение в истории норвежской музыки и фольклористики, еще не получило адекватной оценки в литературе.

Обзор актуальных проблем был бы неполным без упоминания важнейшей проблемы — исполнительской интерпретации фольклорного образца и его компози-

торской обработки. Исследовательские и исполнительские поиски в этом направлении были предприняты в рамках подготовки государственных программ по классу фольклорного ансамбля студентами отделения этномузыкологии Санкт-Петербургской консерватории (художественный руководитель — заслуженный деятель искусств России, профессор А. М. Мехнецов). Программы, посвященные обработкам народных песен из сборников М. А. Балакирева и Н. А. Римского-Корсакова, «Камаринской» М. И. Глинки, в сравнении с их фольклорными источниками, получили высокую оценку государственной экзаменационной комиссии, а также почитателей русской музыки². Этот эксперимент открывает новые перспективы для художественного осмысления произведений русской классики, для реконструкции механизмов творческого восприятия и переосмысления-преобразования музыки устной традиции, воспринятой музыкантом-профессионалом.

«Единство корней <...> и постоянное взаимодействие устного и письменного музыкальных потоков не позволяют провести между ними непреходимую грань. Точнее было бы говорить об устном и письменном как о двух полюсах, к которым тяготеет конкретная музыкальная практика и между которыми существует обширная переходная область» [1, 18].

Список литературы

1. **Алексеев Э. Е.** Нотная запись народной музыки: теория и практика. — М., 1990.

2. **Вульфийус П. А.** К истории музыкальной фольклористики // Русская мысль о музыкальном фольклоре: Материалы и документы. — М., 1979.

3. **Канн-Новикова Е. И.** М. И. Глинка. Новые материалы и документы. Вып. 1. — М.; Л., 1950. — С. 45–58.

4. Крестьянские песни, записанные в селе Николаевке Мензелинского уезда Уфимской губернии Н. Е. Пальчиковым. — СПб, 1888.

5. **Левашева О.** Эдвард Григ. Очерк жизни и творчества. — М., 1975.

6. **Львов Н. А., Прач И. Г.** Собрание русских народных песен с их голосами на музыку положил Иван Прач. — СПб, 1790.

7. Народные русские песни, аранжированные для голоса и хоров с аккомпанементом фортепиано. Сочинение Ивана Рупини. — СПб, [после 1861].

8. Песни русского народа. Собраны в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 году. Записали: слова Ф. М. Истомин, напевы С. М. Ляпунов. — СПб, 1894.

9. **Протопопов Вл. В.** Забытая публикация русских народных песен // Музыкальная фольклористика. Вып. 3. — М., 1986. — С. 90–104.

10. **Римский-Корсаков Н. А.** Сборники русских народных песен // **Римский-Корсаков Н. А.** Полное собрание сочинений. Т. 47. — М., 1952.

11. Русская мысль о музыкальном фольклоре: Материалы и документы / Вступ. статья, сост., коммент. П. А. Вульфийуса; предисл. Е. М. Орловой; общ. ред. О. И. Соколовой. — М., 1979.

12. Русская народная песня. Неизвестные страницы музыкальной истории. — СПб, 1995.

13. Русские народные песни, собранные и изданные для пения и фортепиано Даниилом Кашином. — М., 1833–1834.

14. Русские песни, непосредственно с голосов народа записанные и с объяснениями изданные Ю. Н. Мельгуновым / Вып. 1. [без м. изд.]: тип. Э. Лиснер и Ю. Роман, 1879; Вып. 2. — СПб: В. Бессель, 1885.

15. **Серебрянников В. Н.** Свадебные обычаи и песни крестьян Андреевской волости, Оханского уезда, Пермской губернии // Материалы по изучению Пермского края. Вып. 4. — Пермь, 1911. — С. 1–68 (тексты); С. 1–8 (нотное приложение).

16. **Теплова И. Б.** «Уж как слава тебе, Боже, на небеси! Слава!»: музыкально-поэтический текст в истории музыкальной культуры // Древнерусское песнопение. Пути во времени. Вып. 2. — СПб, 2005. — С. 192–206.

17. **Теплова И. Б.** «Славься». Жанровые истоки // М. И. Глинка. К 200-летию со дня рождения: Материалы международных науч. конф. Т. 2. — М., 2006. — С. 85–93.

18. **Трутовский В. Ф.** Собрание русских простых песен с нотами. Части 1–4. — СПб, 1776–1795.

19. Украинские, литовские, казахские, чеченские песни и напевы в собрании В. Ф. Одоевского. Текстологическое исследование. Фольклор: Песенное наследие. — М., 1991. — С. 176–260.

² Руководители экзаменационных программ: О. В. Мальцева, Л. П. Махова, Е. В. Морозова, Ю. Ю. Толстикова, Е. С. Редькова, Е. А. Пархомова, Д. А. Лескай-Меренцио, И. В. Суханова, К. В. Сысоева, Л. Н. Шамова.